

ФІЛОСОФІЯ, СОЦІОЛОГІЯ

В. П. Бабинцев*

ЭКСТРЕМИЗМ И КСЕНОФОБИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ¹

Экстремизм и ксенофобия в среде молодежи превратились в настоящее время в значимую социальную угрозу не только для самих молодых людей, но для общества и государства в целом. И проблема заключается не только в том, что они разрушают сложившийся социальный порядок, привнося существенный элемент хаоса в общественную жизнь, либо — напротив — абсолютизируя тоталитарные формы взаимоотношений социальных институтов (прежде всего, государства) и личности. Эти явления, кроме всего прочего, являются объектами острейшей идеологической борьбы, и в данном своем качестве выступают как основания для оценки не только деятельности отдельных людей и групп, но и целых культурно-цивилизационных общностей. Спекуляции на экстремизме и ксенофобии, в ходе которых они довольно обоснованно увязываются с терроризмом и преступностью, превратились в орудие мировой политики, в эффективную технологию воздействия на общественное сознание.

Но при всей очевидной актуальности борьбы против экстремизма и ксенофобии в любой социальной среде многие аспекты ее планирования и практического осуществления остаются далеко не очевидными и требуют, по меньшей мере, предварительного анализа, осуществляемого *sine ira et studio* (без гнева и предубеждения). Сделать это крайне трудно, поскольку тема экстремизма и ксенофобии, особенно среди молодежи, является в высшей степени мифологизированной.

Главная причина связана с тем, что интерпретация этих явлений в рамках доктрин различных политических сил рассматривается их лидерами как один из элементов политического тезауруса². Известно, что любой тезаурус, представляя собой «способ существования нормативно-ценностной системы» ее автора, конструируется по модели «свой — чужой»³. Противопоставление «своих» и «чужих», в свою очередь, является универсальной политической схемой, дающей авторам политики значительные преимущества. Акцентирование внимания на экстремизме и ксенофобии, вплоть до их «демонизации», предоставляет различным политическим силам дополнительные возможности для популяризации собственных тезаурусов.

Подобная «демонизация», которая не требует особых усилий, ибо в самих явлениях экстремизма и ксенофобии имманентно содержится деструктивное начало, является типичной операцией, совершаемой в процессе мифологизации.

© Бабинцев В. П., 2008

* заведующий кафедрой социальных технологий Белгородского государственного университета (г. Белгород, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства регионального развития РФ «Проведение социологического исследования по теме «Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи» (Центральный федеральный округ)».

² Вслед за В. А. Луковым тезаурус мы определяем как полный, систематизированный свод информации (знаний) и установок в той или иной области жизнедеятельности, позволяющий в ней ориентироваться. — Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи: теоретические вопросы. — М.: Социум, 1999.

³ Там же. — С. 132-140.

Любой социальный миф, представляя собой попытку создания порядка из хаоса, наиболее востребован в тех случаях, когда явление имеет сложную структуру и многофакторную обусловленность. Особенно если многие факторы до конца не изучены. К подобным явлениям и относится экстремизм, который детерминируется самыми различными, многоуровневыми причинами. А. А. Козлов выделяет, в частности, семь основных факторов экстремизма: социально-психологические и нравственные; социально-экономические; идеологические; информационные; факторы жизнеустройства; социально-исторические; психоэпидемические⁴. При этом каждый из выделенных факторов может быть дополнительно структурирован.

Естественным (и крайне негативным) следствием мифологизации проблемы распространения экстремизма и ксенофобии в молодежной среде является применение упрощенных организационных схем противодействия данным явлениям, для которых типичны несколько черт:

— неадекватное целеполагание, связанное с постановкой завышенных целей и формулировкой утопических по своей природе ожиданий;

— установка на сочетание двух форм противодействия экстремизму и ксенофобии — администрирования и воспитательной работы;

— смещение адресата, поскольку меры по противодействию экстремизму и ксенофобии довольно часто не ориентированы на конкретные целевые группы, являющиеся наиболее вероятными носителями этих видов социальных отклонений. Они реализуются в отношении тех молодежных когорт, которые наиболее доступны для проведения акций и могут быть мобилизованы при затрате минимальных ресурсов, но при условии достижения максимального демонстрационного эффекта.

Фиксируя отмеченные черты процесса противодействия экстремизму и ксенофобии, подчеркнем три обстоятельства. Во-первых, они отражают типично бюрократический подход к делу, в котором доминирует формальное восприятие решаемых задач. Довольно очевидным является утверждение о том, что «рядовой чиновник живет для того, чтобы выполнять указания. Всякая самостоятельность и инициатива пресекаются. Эта привычка не меняется и тогда, когда он попадает в сферу, связанную с выработкой политических решений. И в этом случае он ожидает указаний или инициативы от других»⁵.

Во-вторых, указанные особенности не являются абсолютными характеристиками, они наиболее типичны, но при этом не исключают неформального отношения к делу со стороны отдельных социальных институтов, граждан и их объединений. В-третьих, даже формально-бюрократический подход к организации противодействия деструктивным явлениям, акцент на борьбе с ними имеет ряд позитивных следствий, которые невозможно не учитывать. Прежде всего, он заостряет внимание на существовании проблемы и необходимости ее решения. Кроме того, он мобилизует более или менее значительные группы людей, приглашая их к участию в процессе противодействия экстремизму и ксенофобии. Наконец, даже при условии такого подхода для противодействия этим явлениям выделяются ресурсы, которые подкрепляют инициативу антиэкстремистских сил.

Вопрос, следовательно, сводится к тому, насколько эффективен традиционный подход и, если он не оптимален, что необходимо сделать для достижения лучшего результата.

Относительно первой части вопроса можно довольно уверенно сказать; к сожалению, результат противодействия экстремизму и ксенофобии в молодежной среде не соответствует ожиданиям. Тем более, что эти ожидания, как уже отмечалось выше, обычно являются завышенными. Не случайно действительность демонстрирует сохранение высокого уровня опасности экстремизма и ксенофобии в России.

В ходе исследования «Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи», проведенного в пяти областях ЦЧР России Центром социальных технологий Белгородского государственного университета в 2008 году (N = 3000) на вопрос: «Приходилось ли Вам сталкиваться с проявлениями национальной

⁴ Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. — М.: Academia, 2008. — С. 583.

⁵ Макаренко В. П. Бюрократия и сталинизм. — Ростов-на-Дону, 1989. — С. 37.

неприязни?» больше половины молодых людей ответили положительно, но при этом указали, что только в отношении к другим людям. На проявления национальной неприязни в отношении себя указали лишь 9,07 % респондентов. Отрицательно ответили 37,1 % молодых людей.

Сопоставление результатов исследований, проведенных в разное время и по различным методикам, всегда является проблематичным. Тем не менее, мы попытались сопоставить полученные нами данные относительно фактов проявления национальной неприязни с результатами исследований Н. В. Губиной в городе Нефтекамске. Проведенные ею исследования показали, в частности, что со стороны сверстников ощущали негативное отношение к себе 5 % подростков-татар, 3 % русских и 6 % лиц других национальностей⁶.

В контексте этих результатов допустимо утверждать: возможно, эффект от программ и мероприятий противодействия экстремизму имеется, но принципиально ситуации они не меняют.

Значительно труднее ответить на вторую часть вопроса, которая связана с перспективами совершенствования работы по противодействию экстремизму и ксенофобии в молодежной среде⁷. Но при их наличии остается не вполне ясным, как добиться ослабления влияния провоцирующих экстремизм и ксенофобию факторов?

Безусловно, не претендуя на окончательное решение всего комплекса возникающих в данной связи проблем, предположим, что для этого необходимо существенно изменить сам подход к проблеме противодействия экстремизму и ксенофобии в молодежной среде. Изменение подхода мы связываем с решением двух принципиально важных задач.

Первая из них заключается в демифологизации процесса распространения экстремизма и ксенофобии. Вторая — в технологизации противодействия этим негативным явлениям, в воздействии на них с учетом основных элементов управленческого цикла. Под демифологизацией мы понимаем постепенное и последовательное преодоление стихийно сложившихся и целенаправленно сформированных мифов, стереотипов и иллюзий, дающих ненаучную интерпретацию различных аспектов формирования и распространения экстремистских и ксенофобских идей, взглядов, настроений и предубеждений. Данная задача представляется нам наиболее сложной из двух указанных задач в силу нескольких обстоятельств.

Во-первых, любые социальные мифы отражают доминирующие в сознании их создателей ценности и смыслы, которые относятся к наиболее устойчивым образованиям общественного сознания. Во-вторых, периферию социальных мифов (экстремистских и об экстремизме) составляет комплекс эмоционально окрашенных образов, переживаний, символов и знаков. Многие из них в силу традиции стали культурными архетипами для их носителей.

В-третьих, особенностью экстремистской и возникающей по поводу экстремизма мифологии является эклектичность. Она ограничивает возможности противодействия экстремизму, если такое противодействие осуществляется на основе «специализированного» подхода, при котором его противники пытаются более или менее последовательно развенчать мифы в какой-то иной сфере. Как и вся экстремистская мифология, профилактика требует синкретичности, своего рода, комплексности (универсальности). А этого бывает трудно достичь, поскольку у специалистов в какой-то одной области недостаточно знаний, относящихся к смежным областям.

Учитывая указанные обстоятельства, следует признать, что демифологизация экстремизма и ксенофобии не может основываться на частных решениях, но должна строиться на базе долгосрочной стратегии. При этом ее успех зависит не только от способностей субъектов профилактики, но и от общего состояния массового сознания в стране, да и в мире в целом.

Мы убеждены, что экстремистские и возникающие по поводу экстремизма мифы будут популярными, пока в обществе сохраняется ситуация социальной аномии (смуты), особенно негативно влияющая на молодежь. Генезис этой ситуации относится к 90-м годам XX века, «запустившим» процесс разрушения ценностей, дискредитацию

⁶ См.: Социальная напряженность в многопрофильном городе: опыт социологического исследования. — Казань: РИЦ «Школа», 2007. — С. 190.

⁷ Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. — М.: Academia, 2008. — С. 584.

общественно значимых, консолидирующих идей, предопределивших ориентацию практически каждой статусной группы на свою «особую правду».

Этот процесс привел к аномальной композиции индивидуального и общественного сознания, в котором одновременно представлены и уживаются противоположные по своей направленности установки, ориентации и идеи. Ж. Т. Тощенко определяет это как «рождение уникального явления — парадоксального человека». Он пишет: «Выдвинув данную концепцию, автор сделал заключение, что оно (общественное сознание — В. Б.) не только расколото, раздроблено, противоречиво, но и зачастую парадоксально»⁸. Эти ориентации довольно наглядно проявились в сознании молодежи, которое по мере развития новейшей российской истории становилось все более противоречивым, а потому — мифологичным, ибо миф в этих условиях превращался в одно из немногих средств, способных соединить (интегрировать) «расколотую» реальность.

Характерными чертами молодежного сознания стали:

- социальное дезертирство;
- алогичность социального мышления, доводимая в своих крайних формах до легитимации абсурда;
- тотальная негативная саморефлексия и самооценка, проявляющаяся в типично мазохистском унижении собственной истории, культуры, в отрицании социальной перспективы;
- пониженная реакция на внешние факторы, в том числе и на те, что непосредственно влияют на качество жизни, массовая общественная апатия и равнодушие.

Данные характеристики массового сознания молодежи делают его максимально восприимчивым к мифологии, в том числе и к мифологии экстремизма. Эту восприимчивость мы определяем как идеологическую виктимность, выражающуюся в потенциальной готовности стать жертвой обмана, объектом беззастенчивого манипулирования сознанием.

В сложившихся условиях демифологизация экстремизма и ксенофобии, рассматриваемая в широком плане, означает рационализацию духовного мира молодежи и практики отношений, которые складываются между молодежью и социальными институтами. Под рационализацией мы понимаем изменение сознания и поведения молодых людей по модели социокультурной модификации, предполагающей изменение доминирующего класса реакций (социальной нормы). Это означает внедрение эффективных практик управления сознанием молодежи, которые в некоторых отношениях носят формально манипулятивный характер.

Безусловно, подобная постановка вопроса будет вызывать возражения, так как манипуляции, представляющие скрытое управление людьми, дающее субъекту управления одностороннее преимущество⁹, являясь видом деятельности, однозначно осуждаемым демократическим сообществом. В сущности, любая манипуляция построена на неравенстве контрагентов взаимодействия в отношении ресурсов (прежде всего, информационных) и использовании этого обстоятельства доминирующим контрагентом в своих интересах. Однако целесообразно учесть несколько соображений, определивших целесообразность и обоснованность сформулированного нами тезиса.

Прежде всего, отметим, что мы предлагаем не манипуляции, но социокультурную модификацию молодежного сознания. При всей формальной близости эти понятия имеют свои особенности. Модификация предполагает целенаправленное изменение сознания, ориентированное на заранее сформулированные социальные нормы, имеющие однозначно позитивный (и даже легитимный) характер. Манипуляция безотносительна к проблеме социальности (асоциальности) цели или нормы. Модификация осуществляется открыто. Однако в отличие от традиционного воспитательного воздействия она включает не только (и не столько) убеждение, но коррекцию психики, затрагивающую подсознание.

Модификация сознания в нашем понимании неразрывна с рационализацией воздействия на молодых людей. В содержательном отношении рационализация означает:

- утверждение понятийного мышления, проявляющегося в способности дать дефиниции широкому кругу явлений, в том числе и относящихся психоэмоциональным состояниям, возникающим в ходе межличностного и межгруппового взаимодействия;

⁸ Тощенко Ж. Т. Фантомы общественного сознания и поведения // Социологические исследования. — 2004. — № 12. — С. 4.

⁹ Шейнов В. П. Скрытое управление человеком (Психология манипулирования). — Мн.: Харвест, М: АСТ, 2001. — С. 4.

— формирование навыков критической оценки и самооценки не только и не столько на основе личного опыта и базирующегося на нем здравого смысла, но на основе использования научных знаний, хотя бы и представленных в популярном виде;

— наличие ясного представления о собственных целях и целях окружающих, формулируемых в адекватных понятиях;

— обретение способности к альтернативному мышлению, предполагающему допущение различных вариантов развития ситуации, умения выбрать наиболее оптимальный вариант и обосновать этот выбор.

Вместе с тем экстремистские и ксенофобские мифы в силу их глубокой укорененности в человеческом сознании и постоянной подпитки совокупным воздействием квазирациональных тенденций социальной среды и манипулятивными практиками, по нашему глубокому убеждению, не могут быть преодолены лишь одним обращением к разуму их носителей. Напротив, в данном случае возникает, на первый взгляд, парадоксальная ситуация: для того, чтобы преодолеть эти мифы, следует максимально рационализировать молодежное сознание. Но его рационализация будет эффективной лишь при условии использования модификационных практик, ориентированных на нерациональные элементы сознания и поведения.

Демифологизация проблемы экстремизма и ксенофобии в молодежной среде не является самоцелью. Она лишь создает реальные предпосылки для минимизации распространения этих явлений, которая, как мы уже отмечали, может быть успешной лишь при условии максимально технологического (социально-технологического) подхода со стороны субъектов управления.

Технологизация требует использования в практике противодействия экстремизму и ксенофобии системы процедур преобразования действительности, необходимыми признаками которых являются:

— целесообразность, сознательность действий, выражающаяся в четкой формулировке целей, способности выстроить их иерархию, опираясь на представление о наиболее актуальных социальных проблемах;

— упорядоченность и плановость деятельности, которые возможны на основе отмеченной выше целесообразности, с одной стороны; с другой, — являются логическим следствием наличия концепции управления;

— расчлененность и дифференцированность действий. Социальные технологии имеют место лишь в тех случаях, когда осуществляется разделение социального действия на отдельные процедуры¹⁰;

— рациональность, научный подход. Социальные технологии могут опираться только на рациональное отношение к действительности и на научное знание;

— рефлексивность, условием которой является постоянная критическая самооценка субъекта социального действия, применяемых им методов познания и преобразования социальной действительности.

К сожалению, на практике технологический (социально-технологический) подход в профилактической деятельности является скорее исключением, чем нормой.

Между тем социально-технологические решения предполагают организацию противодействия экстремизму и ксенофобии с учетом основных элементов управленческого цикла, в котором выделяют: постановку целей и задач на основе объективной диагностики существующей проблемы; принятие решений; организацию деятельности и анализ достигнутых результатов с последующей коррекцией деятельности и постановкой новых задач.

Исходным пунктом их решения является системная диагностика ситуации. Диагностику не могут обеспечить эпизодические социальные опросы. Она требует разработки и реализации комплексных научно-исследовательских программ межрегионального, в крайнем случае, регионального характера. При этом такие программы должны быть обеспечены в финансовом, кадровом и информационном отношении, носить отчетливо выраженный поисково-аналитический характер и ориентироваться не столько на ситуацию, но на перспективу.

¹⁰ Авторы словаря «Социальные технологии», характеризующие социальные технологии, специально подчеркивают, что сущность этого способа достижения общественных целей «состоит в кооперационном осуществлении деятельности». — Социальные технологии: Толковый словарь / Отв. ред. В. Н. Иванов. — М.: Белгород: Центр социальных технологий, 1995. — С. 187.

Тема экстремизма и ксенофобии не должна рассматриваться как недостаточно актуальная и обсуждаться лишь на уровне работников органов государственного и муниципального управления с привлечением церкви и ученых. Результаты реализации поисково-аналитической программы должны регулярно обсуждаться на научно-практических конференциях, к участию в которых следует более активно привлекать молодежные организации, средства массовой информации. Эти результаты должны быть максимально открытыми для всех социальных факторов.

Выводы аналитики должны лежать в основе программ практических действий, которые должны четко определять:

- а) цели, преследуемые в процессе противодействия экстремизму и ксенофобии;
- б) приоритетные целевые группы молодежи; в) адекватные формы и методы работы.

При этом мы полагаем, что радикальное решение проблемы противодействия экстремизму может быть достигнуто лишь при условии смены приоритетов социального развития общества в целом и конкретного региона. Необходима стратегия управления, ориентированная на социальный рынок, на человека и — главное — воспринимаемая молодежью как справедливая политика. Только в этом случае социальные нормы, предлагаемые молодежи обществом, превратятся в социализационные нормы, то есть будут интернализированы личностью и станут основой ее жизненной стратегии.

Противодействие экстремизму в молодежной среде не может быть эффективным, если она ведется органами государственного и муниципального управления без участия самой молодежи. Прежде всего, молодежи, объединенной в собственные и при этом авторитетные организации. Именно они должны выступать в качестве постоянных сотрудников и союзников государства в решении молодежных проблем. Поэтому крайне важно оказание содействия молодежным организациям, способствующим артикуляции, агрегации и представительству интересов молодежи, способным разработать и реализовывать молодежные проекты как регионального, так и общенационального уровня.

